

Юлия Волкова

Созинские рассказы

Юлия Волкодав

Сочинские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69841534

SelfPub; 2023

Аннотация

Все хотят в Сочи на три ночи. Особенно в сезон. Но если ты приехал не на три дня, а насовсем, тебе откроется совершенно другой город. С маленькими уютными магазинчиками, где продавщица, отпуская тебе мясо, поделится рецептами его приготовления. С извилистыми горными дорогами, по которым гоняет дядя Сосо на своём битом тазике, и каждая поездка с ним превращается в увлекательное приключение. С тихими пляжами для местных и совершенно особыми достопримечательностями, которые не показывают отдыхающим. Сочи, который скрывается под этой обложкой, вас точно удивит. А с его жителями вы наверняка захотите познакомиться, когда приедете в следующий раз. Телефончик дяди Сосо я вам дам, обращайтесь.

Содержание

Вместо пролога (улица Северная)	4
Штаны с полосками (Адлер, рынок)	10
Предложение невиданной щедрости (Адлер, мемориал)	15
Товарищ Островский (Дом-музей Николая Островского)	20
Кофейная религия (Адлер, Черёмушки)	28
Яблоки в карамели (парк «Ривьера»)	33
Кобзон и выхухоли (Зимний театр)	41
Дом у цирка (улица Пушкина)	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юлия Волкодав

Сочинские рассказы

Вместо пролога (улица Северная)

Улицу Северную трудно назвать курортной. Наверное, большая часть отдыхающих так никогда до неё и не добирается и даже не подозревает о её существовании. Разве что случайно забредут прямо с вокзала или в вечных поисках моря. Самый смешной вопрос от отдыхающих: «А этой улицей я к морю выйду?» Всегда хочется сказать: «Нет, этой точно промахнётесь».

На Северной для отдыхающих нет ничего интересного: торговый центр скромный и без кинотеатра, сувениры здесь не продаются, а дорога вечно забита машинами, медленно ползущими к парковкам, с парковок, пропускающими бесконечных прохожих и спасающимися от эвакуаторов. Пожалуй, ни на одной другой улице эвакуаторы не появляются так часто, но от пробок это не спасает.

О том, что ты всё ещё в Сочи, здесь напоминают только низкие веерные пальмы и огромные, хоть и регулярно обрезаемые платаны. Вот на них я и смотрела. На недавно обстриженные пятнистые ветки и угрожающе-синее небо, готовое в любой момент разразиться очередной порцией дождя.

И дело не в том, что я романтик или мечтатель, любящий рассматривать небеса, думая о несбыточном. Просто, когда ты лежишь с задранной головой и широко открытым ртом в кресле стоматолога (чёрт бы побрал эти современные кресла, в которых приходится лежать, да и стоматологов, честно говоря, тоже), ты не можешь выбирать, что рассматривать. Или платаны, или потолок с треснувшей побелкой. Платаны как-то веселее.

У платанов пятнистый ствол, вспоминала я, а ещё в конце лета с них сыплется мерзкая мошкара. Их называют бесстыдниками, потому что деревья сбрасывают кору, обнажаясь. Стоп, нет, кору сбрасывают эвкалипты. Эвкалипты – бесстыдники? Мои знания ботаники удручали. А ведь в первый год жизни в Сочи мне всё это рассказывали. Ольга с энтузиазмом отрабатывала на мне недавно полученные навыки экскурсовода, и знания о городе, который только должен был стать родным, лились на меня мощной рекой. И куда что делось? Ай!

– Больно? – изумился доктор.

– Ы-гхы, – словоохотливо ответила я.

По-моему, предельно понятно! Человек дёргает ножкой и ы-гхыкает. Можно догадаться, что ему что-то не нравится? Конкретно мне не нравилось, что ассистентка доктора, которой доверили придерживать мой онемевший язык шпателем, явно пыталась вывихнуть мне челюсть. Сколько силы нужно вложить, дабы не дать языку попасть под сверло бор-

машины? Тем более что он туда и не стремится.

– Так я тебе говорю, не пользуйся ты больше этим раствором, он портит инструменты. Вот зачем ты его развела опять?

– Нет другого, Иван Николаич, – зевнула ассистентка, на секунду ослабив давление на мою челюсть. – Какой закупили, тот и развожу.

– Я скажу, чтобы купили другой! Нет, ну безобразие! Раствор отвратительный. У нас в Барнауле...

Мне тоже очень хотелось зевнуть, но рот был занят. Обидно. Потому что к третьему посещению стоматологии Иван Николаевич меня достал. Прошлый раз я была у него позавчера, и он нудил про раствор. Интересно, он на другие темы вообще отвлекался за это время? На месте ассистентки я бы тот раствор ему залила в...

Додумать интересную, с оттенком интима мысль я не успела, так как доктор снова начал сверлить. Господибожемой, когда ж это кончится? Не думать, не думать. Платаны красивые. Большие красивые платаны. Очень большие, до окон третьего этажа достают. Окна хорошие, профиль мощный, мы тоже такие заказывали недавно. Ой, а почему проём такой узкий? У них что, стена в один кирпич, что ли? Мамочка! А они вообще разрешение на постройку здания получали или как обычно? Ни за что не подойду к окнам. Жуть какая!

– Смотрите, Иван Николаевич, опять дождь пошёл!

Вот только на дождь сейчас Ивану Николаевичу и смотреть! В рот он мой пусть смотрит, а то просверлит что-нибудь не то! Но доктор прекратил сверлить, деловито завозился какими-то железками, а светскую беседу о погоде поддерживал только глубокомысленным «угу».

– Что за климат в этом городе? Невозможно! Дождь и дождь, дождь и дождь. То ли дело у нас, в Ростове.

– Зато тепло. Круглый год можно на улице бегать. Я бегаю по утрам, обязательно. Спорт в нашем возрасте позволяет чувствовать себя бодрее.

Невыносимый зануда. Однако интересная вырисовывалась география. Доктор из Барнаула, сестра из Ростова. В этом городе свои врачи бывают? Мединститута в Сочи нет, но Краснодар-то рядом. В ветеринарке, куда мы водим всех своих питомцев, работает целая команда из Архангельска. Серьёзно, все пять ведущих врачей оттуда, две медсестры и одна санитарка. Однажды у меня были увлекательнейшие два часа лежания на нашей собаке, которой делали капельницу, имела возможность изучить все дипломы и сертификаты, развешанные по стенам.

– Ну вот и всё, – объявил доктор. – Можно сплюнуть и прополоскать.

Лучшая фраза, которую я слышала в этом кабинете. Я радостно бросилась исполнять и то и другое, с ужасом сознавая, что челюсть мне не очень подчиняется.

– Да, спорт нужен! Я же профессиональной спортсменкой

была, я вам говорила? – Ассистентка встала, и я наконец увидела не только её руку, но и накачанные плечи вдвое шире моих. – Баскетболом занималась до окончания школы. Соревнования, сборы. Трёхочковые, данки – всё забивала. А потом как отрезало. Решила, что моё призвание – медицина.

Моя челюсть отчаянно опровергала смелое утверждение, хотя самое страшное было ещё впереди. Ведь не зря говорят, что взрослым становишься, когда пугаешься не кресла стоматолога, а стойки администратора и итоговой суммы. Кажется, я уже стала взрослой.

А на улице шёл дождь. Я перешла дорогу перед самым носом огромного «мерса», в последний момент заметив, что у него милицейские номера. Но не посигналил, притормозил. Мол, куда спешить, всё равно впереди затор. Вежливые. В Сочи очень вежливые водители. И дрессированные постоянно кидающимися под колёса отдыхающими. Ты никогда не знаешь, из-за какого куста тебе на трассу выпрыгнет нечто в трусах и с надувным матрасом, закрывающим обзор. Лучше сразу ездить аккуратно.

На той стороне улицы меня ждал торговый центр. В супермаркете надо купить курицу гриль, и тётя, стоящая на раздаче, три раза переспросила, что именно я хочу. Заморозка должна пройти только к вечеру, а курица требовалась сейчас. Почему в стоматологиях не выдают табличку «Я лечила зубы, а не отстаю в развитии»? Мне не нравятся сочувственные взгляды! Ещё немного, и курицу мне отдадут бесплатно!

Дяденька на парковке, едва заведя, что выезжать будет девушка, да ещё и на красном внедорожнике (все беды сразу!), бросил свои дела и рванулся помогать, направлять. Спокойно, дядя, ты новенький? Я знаю, что делаю. Руль прямо, потом влево. Проехать шлагбаум, высунуться из окна. Мило улыбнуться тем, кто идёт по главной. Это я, видите? Девушка на красном внедорожнике. Убедиться, что все рады тебя пропустить. Не забыть помагать аварийкой. И дворники включить, ибо льёт уже так, что дороги не видно. Я люблю тебя, Сочи. Добрый, приветливый и очень дождливый.

Штаны с полосками

(Адлер, рынок)

Адлер, маленький скверик перед торговым центром. Я сижу на скамеечке и пью квас из пластикового стаканчика. Это моё первое лето в Сочи, и мне всё ещё сложно свыкнуться с мыслью, что квас можно пить. С детства меня пугали страшными крысами, годами разлагающимися в квасных бочках, которые никто не моет. Так что первый раз я попробовала квас именно здесь. В Сочи его разливают из небольших кеглей, которые меняют раз десять за день. Можно подойти и спросить, давно ли привозили новую – если недавно, есть шанс, что квас окажется ледяным. Если в кегле уже на дне, будет тёплый. Но всё равно вкусный.

Я сижу со стаканчиком и смотрю на дедушку Ленина, с трёх сторон зажатого торговым центром. Каждый год дедушку собираются сносить, и каждый год его верные поклонницы грудью встают на защиту памятника. Они удивительно живучие, его поклонницы. И дедушка продолжает стоять, задавленный капитализмом, но вечно живой. Справа пиццерия, слева салон красоты, сзади мусорка. А впереди светлое будущее, в которое он всё ещё показывает путь. Впереди, кстати, Почта России. Если отправиться в светлое будущее с её помощью, то точно никогда не доедешь.

Но это всё ерунда. Меня занимает совсем другое. Я не просто сижу на скамейке. Я сижу на скамейке в штанах с полосками. У меня спортивные штаны одного известного бренда, чёрные, стрейчевые, с белыми полосками. А сверху майка, тоже с полосками. Но майка ладно, майка может быть любой. А вот штаны у меня крутые. Я о них мечтала. Потому что в Адлере все местные девчонки ходят в таких штанах. Если к ним ещё и кроссовки с полосками, то вообще люкс. Русские девчонки предпочитают чёрное с белым, армянки – чёрное с золотым. Кто хочет выпендриться, берёт розовый велюр. Но обязательно с полосками. Ходишь по району с полосками, значит, местный. Это отдыхающие щеголяют в сарафанчиках, шортах и сланцах. А у местных всё чётко.

Мне очень хочется быть местной и чёткой. Чтоб в магазине не спрашивали, откуда приехала и где отдыхаю. Потому штаны и купила. Сижу теперь, мечтаю, как подойдёт ко мне кто-нибудь в шортах и сланцах и спросит, как пройти к морю. И тогда всё, признание. Значит, местная.

Алекс говорит, что дело не в штанах. Но что мужики понимают? В штанах, ясен пень. И в кроссовках, на которые я теперь коплю. Алекс считает, что для начала нужно убрать восторг из глаз.

– Ты ходишь с ошалелым взглядом и идиотской улыбкой, и озираешься по сторонам, – говорит он. – А местные не улыбаются пальмам и фонтанам. Наоборот, у них такой нарочито-уставший взгляд. Особенно сейчас, в августе. Они

уже устали от толп отдыхающих, понимаешь? Они хотят сентябрь, тишины и покоя. И пальмы им уже надоели.

Но я не понимаю, как можно не улыбаться пальмам? Пальма же! Классная такая огромная пальма! Не тополь какой-нибудь, от которого один пух и аллергия. Есть пальмы финиковые, есть веерные, есть банановые с такими прикольными, похожими на мачете листьями. Как не радоваться? Я теперь живу в чистом и красивом городе, где вечное лето! Где не будет снега зимой и минусовой температуры! А если снега очень-очень захочется, можно поехать в Красную Поляну. Полдня поиграть в снежки, покататься с горки и вернуться в лето! И отдыхающие мне совсем не мешают. Чего мне от них уставать? Вот только жаль, что они не спрашивают у меня, как пройти к морю.

А мне так важно стать местной! В Сочи рады всем, но местным чуть-чуть больше. Для отдыхающих радушие особое, временное. Все понимают, что они гости. Приехали-уехали. Если отдыхающий пришёл в магазин, его просто обслужат. А с местным перекинутся парой фраз, обсудят невыносимую погоду: «Сколько можно, опять тучи разгоняют, скорей бы дождь». Местному подскажут, какие булочки самые свежие. Мне поначалу казалось, что в каждом магазине у Алекса друзья, но выяснилось, что это не так. Просто все видят, что он местный, и беседуют с ним, будто знакомы всю жизнь. А мне мило улыбаются и только.

Очень хочу быть местной. Так упорно хочу, что парюсь в

стрейчевом костюме, хотя на улице тридцать градусов. Тридцать градусов в Сочи – почти убийство. В родном городе я и в тридцать пять бегала на рынок, не чувствуя жары. В Сочи при тридцати хочется сдохнуть. Или растаять. Тело покрывает холодный и липкий пот, так организм реагирует на влажность. Потом привыкну, лет через пять вообще перестану замечать. Через десять начну страдать, покидая любимое влажное болото. А пока мне невыносимо жарко и мокро. Но сменить стрейчевый костюм на что-то более натуральное я не согласна.

И вдруг перед моей скамейкой останавливается парень. Отдыхающий, ёжику понятно. Шорты, шлёпанцы, плечи обгорели. Только отдыхающие загорают до ожогов, местные если и ходят на море, то после заката или очень рано утром. Парень смотрит на меня и делает единственно правильные выводы. И наконец-то задаёт мучающий его вопрос:

– Девушка, а как к морю выйти?

Я готова плясать от радости. Да, да! Меня приняли за местную! Ура, товарищи!

Я медленно комкаю пластиковый стаканчик и кидаю в мусорный бак. Медленно поднимаюсь со скамейки. Смотрю на парня поверх тёмных очков. И медленно-медленно, но совершенно честно говорю:

– Понятия не имею.

P.S. Прошло десять лет. Несмотря на свой топографиче-

ский кретинизм в тяжёлой степени, я всё-таки научилась ориентироваться в Сочи. Покажу дорогу к морю, к банкомату, к рынку. В особо сложных случаях всё ещё дёргаю Алекса, но спрашивают чаще меня. Хотя штаны с полосками я давно не ношу. Кажется, дело было всё-таки не в них.

Предложение невиданной щедрости (Адлер, мемориал)

Мы стоим в пробке под мостом. Нет, после Олимпиады пробок в Сочи стало гораздо меньше. Но здесь неудобный разъезд, дурной светофор, да ещё и конец рабочего дня, так что ничего удивительного. Сегодня я сзади на пассажирском сиденье, за рулём дядя Сосо. Между стоящими машинами протискивается мужик. Лет шестьдесят, может быть, больше. А может, и меньше, если отмыть. В Сочи совершенно особые бомжи – у многих есть жильё и прописка, они прилично одеты. Им просто нравится бродить по городу, побираться и спать на лавочках. Свобода!

Перед нами как раз такой любитель свободы. Стучится в окно, просит, сколько не жалко. Алекс оборачивается ко мне – кошелёк у меня. Только налички в нём, как всегда, нет. Зачем, если везде можно расплачиваться картами? Неудобно. Я судорожно вытряхиваю карманчик с мелочью, боясь, что загорится зелёный и дед так ничего и не дождёт. В кармашке рублей десять россыпью. Маловато, но сколько есть. Передаю деньги Алексу, он – деду.

– Больше нет, – виновато признаюсь я, ни к кому не обращаясь.

– Да ничего, копейка рубль бережёт, – кивает дед, забирая

мелочь, пристально на меня смотрит и сообщает: – А с такой девушкой я бы кайфанул.

Загорается зелёный, дядя Сосо давит на газ прежде, чем Алекс успевает отреагировать. Я ухмыляюсь. Нет, это не было хамством. Это был комплимент. Уж какой получился.

Сейчас мужчины на улице не обращают на меня внимания, что вполне естественно – я ведь не обращаю внимания на них. То ли дело в то первое лето в Сочи. Сколько было любопытных встреч и сногшибательных предложений. Одно особенно запомнилось.

Начнём с того, что я работала дворником. А кем ещё могла работать девчонка с на тот момент незаконченным образованием? Кассиром в супермаркете или Макдаке, продавцом курортных товаров, аниматором на пляже. Да кем угодно, скажете вы, и будете правы. А кем могла работать очень скромная девчонка, которая только отцепилась от бабушкиной юбки и решительно не понимала, как жить дальше? Ладно, я просто схватилась за первую же возможность, не оценивая её объективно. Кстати, дворник из меня получился отвратительный, потому что мы с физическим трудом не созданы друг для друга. В пять утра я с трудом тащила себя, не говоря уже о полном мусорном мешке, размером... с меня.

В моём распоряжении были шикарная метла из красно-книжной колючки, стильная оранжевая жилетка, оранжевая же кепка, рулон мешков и те самые штаны в полоску, с которыми вы уже знакомы. Вверенная мне территория – парк

при мемориале и набережная Мзымты – в пять утра не пользовалась большим спросом у отдыхающих, поэтому я обметала лавочки и вычищала урны, никого особо не стесняясь. Но к семи утра в парк подтягивались первые посетители. Например, собачники, выгуливающие своих питомцев возле памятника павшим воинам. Встречались и рвущиеся как можно раньше попасть на пляж курортники. Однажды я полезла в заросли кипарисов за отлетевшей туда пачкой из-под чипсов и встретила лысого дяденьку в шортах. Он вышел мне навстречу из кипарисов, сладко потягиваясь. Похоже, он делал там не то, что вы подумали. Человек просто спал. На свежем воздухе, почему нет?

– Доброе утро, – приветливо улыбнулся он.

– Доброе, – осторожно согласилась я.

– Работаешь тут?

Нет, люблю, знаете ли, пробежаться с утречка по окрестным мусоркам. Но в то время я была куда менее язвительной, а потому лишь кивнула.

– Местная, значит.

Я не стала оспаривать лестный вывод, хотя жила в Сочи без году неделю.

– А я из Норильска приехал, – доверительно сообщил дядька. – Завтра уже уезжать. У нас там знаешь как холодно? Семь градусов. А зимой до минус сорока бывает.

– Плохо, – согласилась я.

– Да просто п..ц, – конкретизировал дядька.

И печально ушёл. В кипарисы.

К девяти утра за моими мешками приезжала машина. Я должна была кидать мешки в кузов, но, увы, с тем же успехом я могла бы докинуть их до Норильска. Парень, водивший мусоровоз, сначала ворчал, что делает не свою работу, но мешки закидывал за каких-то пару минут и уезжал. Потом процесс погрузки мешков стал затягиваться. Артур (да, он уже счёл нужным мне представиться) не спешно выходил из машины, доставал сигарету, предлагал мне, я отказывалась, но скромно стояла рядом, ждала, пока он докурит и, повздыхав, возьмётся за мешки. С каждым разом пауза становилась всё дольше. Я нервничала. К девяти часам начиналась жара, и мне очень хотелось избавиться от жилета, кепки и кроссовок. В рюкзаке, болтавшемся за моей спиной, лежал купальник. Закончив с работой, я бежала домой через пляж, успевая окунуться. Алекс не особо рвался на море, оно ему ещё в детстве надоело, так что купалась я без него. Зато потом мы, уже чистые и культурные люди, весело проводили время. Музеи, парки, концерты – мы старались воспользоваться всеми плодами культурной жизни славного Сочи.

Словом, Артур с его глубокомысленным курением меня начинал напрягать. Но и швырять самой мешки не хотелось.

Спустя неделю он созрел. Всё было как обычно: Артур курил, я нервничала. И вдруг он так по-особому на меня посмотрел, прищурившись, и сказал:

– А симпатичная ты девчонка. Надо нам дружить. Кофе

попить как-нибудь. А хочешь, я тебя на машине, – он кивнул на мусоровоз, – покатаю? Хочешь, даже свалку нашу тебе покажу?

Говорю же, пользовалась я успехом у мужчин! И куда что делось? Теперь вот никто не зовёт свалку показать. Аж обидно.

Товарищ Островский (Дом-музей Николая Островского)

В Сочи можно найти развлечения на любой вкус, особенно летом. Ночные клубы, дискотеки, кино на пляже, караоке – если ты молод и полон энергии, веселись хоть до утра. А утром на море, до обеда. Потом, в самую жару, можно на какую-нибудь экскурсию в лес метнуться или по Дендрарию погулять. А вечером снова танцы, клубы, зажигаем.

Когда Алекс перечислил возможные развлечения и поинтересовался, куда я хочу попасть в первую очередь, я твёрдо сказала: «В музей Островского». Самый логичный выбор, правда?

Вот и Алексу так показалось. Однако в музей мы всё-таки поехали. Почти час по пробкам, чтобы выбраться из усиленно строящегося к Олимпиаде Адлера. Ещё минут тридцать страха, пока маршрутное такси несётся по Курортному проспекту. На пятый раз привыкаешь, и вцепившиеся в сиденья бледно-зелёные отдыхающие начинают веселить. Потом снова пробка на въезде в Сочи. Сейчас дорога занимает куда меньше времени и дарит куда больше приятных ощущений, потому что достроили объездные маршруты, а тогда каждый вояж в Сочи становился настоящим испытанием.

Особо странно терпеть эти испытания было ради Нико-

лая Островского. Да-да, речь шла именно о Николае Островском, а не его предшественнике-однофамильце, подарившем нам «луч света в тёмном царстве».

В маршрутке я тщетно пыталась объяснить Алексу свой необычный интерес:

– Ну просто Павка Корчагин – мой детский герой! И книжка у меня была, синяя такая, с иллюстрациями. Там Павка Корчагин на лавочке возле моря сидит, под пальмой. Это Сочи! То есть в книге не Сочи, но писал Островский в Сочи, я в Интернете читала. Он здесь лечился на Мацесте. А потом жил последние годы. И здесь писал «Как закалялась сталь».

Пассажиры маршрутки странно на меня поглядывали, но я уже привыкла. Утром на общей кухне, когда я готовила плов, так же странно на меня посмотрела Анечка, дочка нашей соседки Ольги, пришедшая помыть посуду. Обычно мы здоровались, но на сей раз Анечка только покосилась на меня и молча встала к раковине. Как выяснилось, Анечке на лето задали «Как закалялась сталь», но она и не думала к ней притрагиваться. А Ольга, узнав, что мы собираемся в музей Островского, прочитала Ане лекцию на тему любви к литературе. И теперь Аня подозревала, что с таким сумасшедшим человеком, как я, лучше не здороваться. Вдруг это заразно?

– Я не знал, что ты за коммунистов, – осторожно заметил Алекс. – Ты не говорила.

– Почему за коммунистов? – оторопела я. – Я вообще ни за кого. Мне просто герой нравился! Он такой смелый, такой правильный, такой...

Хотела добавить, что несчастный – на той приснопамятной иллюстрации он ещё и с палочкой был, – но догадалась заткнуться. Уж больно странное было выражение лица у Алекса.

Помимо музея, в Сочи есть ещё и памятник Островскому. С него-то мы и начали. Островский на постаменте стремился в светлое будущее: волосы назад, нога занесена в то самое будущее, которое так и не наступит, полы плаща развеваются. Очень красивым был Островский в виде памятника, чем-то на Суворова похож, на ещё одного героя моего странного детства.

Рядом с памятником на скейтах летали местные неформалы. Строители светлого будущего, идейные наследники Павки Корчагина. Плитку украшали непонятные граффити, валялись стаканчики из-под кофе с символикой американской бургерной, оплотом загнивающего капитализма.

Но я упорно не замечала удручающего фона. Мы бодро зашагали по направлению к музею.

– Вот в этом домике он жил и писал «Как закалялась сталь», – голосом профессионального экскурсовода излагала я почерпнутые из какого-то «послесловия» знания.

– Не жил, а доживал. И не писал, а дописывал, – флегматично поправлял меня Алекс, утирая пот – дорога шла круто

в гору. – Всего несколько месяцев. Его товарищи по партии сюда на лечение отправили. Очень логично – от болезни суставов лечиться практически на болотах.

– Ты откуда знаешь? – оторопела я.

Алекс при мне читал только Стивена Кинга, и до сего момента мне казалось, что творчество Островского находится далеко за гранью его интересов.

– Я тут уже был, – вздохнул мой несчастный спутник. – И не один раз. Нас со школой каждый год водили на экскурсии.

– И как тебе?!

– Очень нравилось! Особенно...

Но Алекс не успел поделиться воспоминаниями детства, потому что мы пришли к кассам. А тётя в будке как раз собралась куда-то уходить. Я рванула к ней.

На лице тётьки отчётливо читалась тоска по холодному квасу, которым торговали через дорогу. К тому же выяснилось, что билеты в домик Островского отдельно купить нельзя – только в комплексе с билетом в Литературный музей.

– А там ещё выставка кукол и деревянной миниатюры, – сообщила кассирша. – Очень интересно, привезли Барби со всего мира.

Вот зачем мне Барби со всего мира, если я хочу в домик Островского? А Алекс говорил не надевать жёлтую маечку с зелёной бабочкой. Тётка подумала, что мне лет пятнадцать, наверное. Сейчас сделает скидку как школьнице.

По комплексному билету мы потопали в Литературный

музей. Алекс убедил меня посмотреть всё, за что заплатили. Я так и не поняла, его интересовали Барби или деревянная миниатюра? Мы слонялись по гулким залам, ощутимо пахло нафталином. Скажите, вас тоже пугают чинно сидящие у входа бабушки-смотрительницы? Так вот, если в зале вы одни, бабушки пугают в десять раз сильнее! От одного их взгляда начинаешь подозревать себя в намерении спереть вон ту чернильницу писателя Ивана Иванова, жившего и писавшего в Сочи семьдесят лет назад.

В зале с Барби было повеселее – там верещала девочка лет пяти, которая хотела поиграть с куколками под стеклом «вот прям щас»! На девочку и скачущую вокруг неё маму с сомнением поглядывали другие дети: прокатит истерика или нет? Если прокатит, надо срочно валиться на пол и топтать ногами, Барби-то хотелось всем.

Деревянная миниатюра нас вообще не впечатлила, Алекс сам из спичек не хуже клеит. Так что мы пошли в домик Островского, тем более что терпение Алекса уже подходило к концу.

Домик оказался маленьким, друзья по партии не особо расщедрились. Но уютный: с холлом, верандой, садиком. На входе нас встретила бабушка божий одуванчик, предложившая надеть огромные войлочные тапки прямо поверх нашей обуви. Бахилы времён Николая Островского, надо полагать, призванные сохранить паркетный пол. Алекс как-то странно хихикнул и первым ринулся надевать тапки. Я же растерян-

но поглядывала на бабушку, ожидая экскурсии. Но бабушка невозмутимо прошествовала к своему стульчику и сообщила:

– Тут везде таблички, читайте.

Действительно, по всем стенам висели таблички, сообщавшие, что вот в этой комнатке семья Островского обедала (тут и бублики под стеклом хранились, и чашки на столе стояли), вон в той каморке его секретарь набирал на машинке бессмертный текст, а вот там была спальня парализованного писателя. На кровати лежали две палки, назначение которых я так и не смогла выяснить – таблички на сей счёт молчали. Я точно знала, что в Сочи Островского привезли уже не ходячим, так что палки предназначались точно не для ходьбы. Высокие подушки, кровать с пружинами, в шкафу за стеклом издания романа «Как закалялась сталь» на всех языках мира. Все декорации словно с известной фотографии «Островский в кругу комсомольцев». Собственно, это и были декорации того снимка.

Я рассматривала листочки рукописей под стеклом и размышляла о подвиге писателя, о невероятной тяге к творчеству, о том, каково писать роман, будучи парализованным, незрячим. Словом, мои мысли были исключительно возвышенными. Алекс задумчиво толпился рядом.

Наконец мы вышли на улицу. Здесь, освободившись от пристального взгляда бабушки-смотрительницы, я продолжила свой внутренний монолог уже вслух:

– Нет, я признаю, что в плане писательской техники «Как закалялась сталь» несовершенен. Слог неровный, например, но это объяснимо, ведь Островский воспринимал собственный текст на слух. И сегодня многие темы романа потеряли актуальность, но...

– Солнышко, не старайся. – Алекс щёлкнул зажигалкой, приваливаясь к бетонной стене забора. – Я не поддержу дискуссию. Я не читал.

– Как?! – Я аж подпрыгнула. – И фильм не смотрел?!

– Какой? С Конкиным? Я этого актёра не перевариваю, уж прости!

– С Лановым хотя бы! Вот ты мамонт! Нет, ну как?! Это же классика! Стоп, подожди! Ты же говорил, что сто раз ходил сюда с классом! И ты сказал, что тебе очень нравилось!

Алекс кивнул:

– Только ты меня не дослушала. Нам всем очень нравилось, всему классу. Очень нравилось в войлочных тапках кататься по паркету. Дома-то ни паркета, ни войлочных тапок нет!

P.S. В Сочи до сих пор есть и музей Островского, и улица Павла Корчагина, и памятник писателю, и пара мемориальных досок. Хотя нельзя не признать, что и «Как закалялась сталь», и романтизированный образ автора-героя несколько утратили актуальность для молодёжи. Но бронзовый Островский по-прежнему шагает в светлое будущее, где совсем

другие ценности и идеалы.

Кофейная религия (Адлер, Черёмушки)

Пора бы рассказать о доме, с которого начиналась сказочная сочинская жизнь. Как обычный человек представляет себе переезд в Сочи? Как сбывшуюся мечту, разумеется. Большая просторная квартира с видом на море, дом, утопающий в пальмах, с веток которых прямо на твой балкон свисают финики и бананы. Шутка, бананы и финики в Сочи не созревают, что не мешает желающим о них мечтать.

У нас всё было с точностью наоборот. Пятиэтажное общежитие ещё хрущёвской постройки смотрело окнами... на другое такое же общежитие. Длиннющие коридоры со множеством дверей, за каждой из которых целый мир размером восемнадцать квадратов. Общие кухня, туалет и душевые – места вечных войн и временных перемирий. Огромный муравейник, в котором всегда кто-то ругается, кто-то варит борщ, орут чьи-то дети, а в очереди в душ стоят вернувшиеся с моря отдыхающие, которые всех раздражают. Идиллия.

Нет, совершенно серьёзно. Я влюбилась в это место с первого взгляда. С первого подъёма по невероятно узкой лестнице с выщербленными ступеньками. С той минуты, когда, едва поставив чемодан и переведя дух, увидела в наших дверях заинтересованное лицо Ольги, живущей напротив.

– Приехала? Ну наконец-то! Три дня только разговоров. А чего стоим? Заходи в гости. Кофе будешь? Иди, иди, малого покажу.

Комната Ольги, те же восемнадцать квадратов, решительно отличалась от нашей. На плитке шипела и плевалась сковородка, за столом какой-то ребёнок корпел над тетрадкой с примерами, на диване устроилась с зеркалом и подводкой Анечка, учившаяся рисовать стрелки, а если протиснуться между завалами игрушек, книжек, чистого и грязного белья, стопочками лежащего на всех свободных предметах мебели, можно было добраться до кровати, в которой спал мелкий. Мелкому было две недели от роду. И именно с ним меня познакомили в первую очередь. Я оторопело разглядывала младенца, думая о том, что в моём родном городе новорождённых детей до сорока дней вообще никому не показывают. Такая степень доверия подкупала.

Кофе тоже сильно отличался от того, к которому я привыкла. В моём родном городе кофе – это растворимый напиток, который иногда пьют с молоком. В Сочи кофе варят, а всё растворимое или из кофемашин Алекс вообще называет «какава» и за кофе не считает, хотя в безвыходных ситуациях пьёт. Но в общий зачёт выпитых за день чашек «какава» не идёт.

Ольга отработанным движением отправила в маленький пластиковый чайник, каковой моя мама всегда считала походным кипятивником, три чашки воды и по три ложки ко-

фе и сахара. Вода отмеривалась именно чашками, теми, из которых нам предстояло пить. Когда чайничек воткнули в розетку, из неё натурально посыпались искры. Я испуганно отскочила, а Ольга лишь пожала плечами:

– Пора новый покупать. Больше месяца не живут, заразы.

Свет в комнате мигал, пока чайник не нагрелся. Но какой разливался запах! «Старбакс» отдыхает, хотя в те времена мы о знаменитой американской кофейне и не слышали.

Ольга шуганула с дивана Анечку, словно та была нахально развалившейся кошкой:

– Иди у Толи уроки проверь, хватит марафет наводить! И так красивая!

Анечка фыркнула и гордо продефилировала мимо нас к столу. Мы кое-как устроились на диване с дымящимися чашками.

– Ну а теперь рассказывай! – улыбнулась Ольга. – Как добралась?

Кофе в Сочи – почти что религия. С него начинается любой разговор. Первое, что предлагается гостям, заглянувшим соседям, пришедшему починить кран сантехнику, – это кофе. В любом магазине оборудован уголок с кофеваркой-чайничком, чашками и баночками. Летом продавцы маленьких киосков и павильончиков выставляют на улицу два табурета. На один садятся сами, на втором располагаются аксесуары для кофе. И так, сидя напротив собственной торговой точки, потягивая волшебный напиток и общаясь между

собой, они коротают рабочие дни.

Такой любви есть логичное объяснение. Погода в Сочи может измениться десять раз за день. С октября по апрель идут бесконечные дожди, и без чашки кофе порой невозможно подняться с постели. Ещё одна, чтобы открыть левый глаз. Одна, чтобы правый, ну это уже роскошь. Кофе – универсальная пауза в рабочем дне, отличный способ завязать знакомство или преодолеть неловкость.

Спустя неделю сочинской жизни в восемь утра я появилась в дежурном, располагавшемся в соседней общаге магазине в халате и домашних тапочках.

– Кофе закончился! – с ужасом сообщила я.

– Кошмар! – согласилась продавщица и протянула мне золотистую упаковку.

Проснуться утром и не обнаружить в банке кофе – это трагедия, объясняющая, почему растрёпанный человек в халате и тапках бежит в магазин, не тудясь переодеться.

Вскоре обнаружилось, что к семейной жизни я не очень-то готова. Моя первая попытка приготовить плов на общей кухне вызвала общее же веселье. Соседи по очереди ходили посмотреть, как я мешаю в кастрюле рис и мясо. И только тётя Тамара, ещё одна наша соседка, сжалилась надо мной и решительно отобрала поварёшку:

– Так ты приготовишь только кашу. Сковородка есть? Кастрюли оставь для супа. Сначала пассируешь лук и морковь. Потом в том же масле обжариваешь мясо. Туда же рис. Че-

тыре стакана воды. Под крышку. Поперчить не забудь!

Мне ещё не раз приходилось брать кулинарные мастер-классы у тёти Тамары, разбираясь в особенностях местной кухни, называющей соусом томатный суп с мясом и картошкой, видящей принципиальную разницу между тефтелями и фрикадельками, насчитывающей десятки видов хачапури. Но первое, что меня научили готовить, это кофе.

А самое обидное, что я его не пью. Местный вариант лишает меня дееспособности на весь день, и мой кофейный потолок – горячее молоко с привкусом кофеина в Макдаке. Сразу видно, понаехавшая.

Яблоки в карамели

(парк «Ривьера»)

– Нам надо срочно встретиться! Я роман написала! – во-пил телефон Алекса женским, между прочим, голосом.

Я дотянулась до своего мобильного – восемь утра! С тех пор как славная профессия дворника была оставлена в прошлом, подъём в нашем доме осуществляется не раньше девяти. Чаще – гораздо позже. Наши любимые соседи знают, что стучать в дверь до девяти смертельно опасно. Друзья тоже в такую рань не звонят. И, на минуточку, что за женский голос в телефоне Алекса?!

– Очень здорово, Мариш, – пробормотало моё сонное сокровище. – Но при чём здесь я?

Вот и мне было очень интересно!

– Ну ты же у нас писатель! Я хочу знать твоё мнение!

– Я не писатель... Ну хорошо, пришли по электронке.

– Чего? Да не пользуюсь я компьютерами вашими, интернетами. Украдут рукопись, да и всё. Давай встретимся! В Ривьере сегодня в двенадцать. Не говори, что ты занят!

Когда Алекс положил телефон, я смотрела на него крайне заинтересованно. Нет, я уже привыкла, что у него миллион приятелей женского пола, и они действительно приятели. Как правило, с весьма экзотической внешностью и не менее

экзотическими увлечениями: поэты, неформалы, любители полетать с парашютом, гадалки на Таро и прочая, прочая. Среди всей этой братии выделялась только Ольга, банально работавшая учительницей младших классов. И я слишком хорошо знала Алекса, чтобы ревновать. Но позвонить в восемь утра и с ходу назначить встречу в двенадцать – как-то уже чересчур!

– Как я должен высказать мнение о романе, которого не читал? – проворчал Алекс, выбираясь из-под одеяла. – Или Маринка думает, я его быстренько изучу, гуляя по тропинкам Ривьеры?

– А что, залезете на Колесо обозрения, пока оно будет делать круг, как разознакомишься с нетленкой, господин писатель, – съязвила я.

Ужасно, когда в семье оба занимаются одной и той же творческой деятельностью. Взаимные подколы – хорошо, если не зависть – обеспечены. Но нам повезло: Алекс на лавры писателя не претендовал, писал редко и неохотно, чаще подкидывал идеи мне. Хотя до моего появления в его холостяцкой жизни что-то в Сеть выкладывал.

– Вари кофе, – буркнул Алекс. – И собирайся. Кто всё время ныл, что ему Ривьеру не показали? Покатаю тебя на карусельках, мороженкой угощу. И не смотри на меня так. Мне совсем не улыбается семейный скандал. Познакомлю тебя с Маринкой заодно. Вы друг другу понравитесь.

И ничего я не ныла. Я вообще карусели не люблю: меня

укачивает. И высоты я боюсь, так что на ваше колесо и не полезу. Но погулять по Ривьере хотелось, уж очень много слышала я об этом парке. И видела, как толпы очумевших отдыхающих ломятся туда, едва экскурсионный автобус притормаживает у моста. Посещение Ривьеры входит в экскурсию «Ночной Сочи», так что, быстренько метнувшись на башню Ахун и обозрев город с самой высокой точки, неутомимые курортники штурмуют карусели и тир. До сих пор поражаюсь их страстному желанию как можно качественнее отдохнуть в единицу времени.

Маринка оказалась типичным представителем друзей Алекса. То есть совершенно нетипичной девушкой – метр в кепке и прыжке, чёрные короткие волосы, чёрный макияж глаз, помада, кажется, тоже чёрная. Или тёмно-синяя. Я не очень хорошо различаю оттенки. Про цвет одежды, я думаю, можно не говорить.

Когда я училась в школе, так выглядели готы. Но готов-ровесников Алекса мне ещё видеть не доводилось.

– Знакомьтесь, девочки! А я за лимонадом. – Алекс фее-рически быстро слинял.

Мы, конечно, познакомились. Но Маринка оказалась не самым общительным человеком, а я даже не знала, как к ней обращаться – на «вы» или на «ты». К тому же она явно пришла сюда не со мной поболтать.

Алекс вернулся с лимонадом.

– Предлагаю прогуляться по парку и найти какую-нибудь

уютную лавочку, – сообщил он. – За Зелёным театром обычно есть укромные места.

И мы пошли гулять по парку. Маринка вдохновлённо рассказывала Алексу подробности случившегося с ней писательства. Как выяснилось, она даже не знала точно, что написала: вроде бы роман, но, может, и сценарий для будущего киношедевра. С жанром тоже неувязочка вышла – то ли боевик, то ли любовный роман, то ли криминальная драма. Бедняга Алекс тщетно пытался внести ясность, но от его вопросов Маринка отмахивалась и вдохновлённо пересказывала сюжет. Я же разглядывала местные достопримечательности.

Итак, Ривьера. Бывшее имение предпринимателя Хлудова, решившего к концу последнего спокойного века Российской империи разбить прежде невиданный парк. Для этой цели он привозит экзотические растения со всего света и прокладывает аллеи, по которым нынче, как слоны на водопой, носятся отдыхающие. В тысяча девятьсот первом году Хлудов разоряется и продаёт имение государству. А в годы Гражданской войны brave пролетарии уже рубят экзотические пальмы на дрова для костра революции. Ривьеру восстанавливают в шестидесятые, и её новый облик как нельзя лучше соответствует эпохе – аллея писателей, магнолия Гагарина, на месте прежних деревянных скульптур появляются бетонные изваяния.

Сегодняшняя Ривьера – это смесь дореволюционного очарования, советской эстетики и капиталистического насто-

ящего, с «американскими горками», комнатой ужасов, аттракционами пять, шесть, двадцать пять «дэ» (чем дальше по аллейке, тем большую цифру ощущений обещают афиши), конным театром и театром Зелёным, на сцене которого выступают те артисты, кому не хватает зрителей на «Фестивальный» или пафоса на «Зимний». После строительства «Сочи-Парка» в Адлере Ривьера утратила статус самой крупной площадки аттракционов и стала просто парком, где на относительно небольшой территории можно развлечься с детьми или пошептаться в беседке, увитой розами, со второй половинкой.

Но тогда Ривьера меня очаровала. Она казалась мне просто Диснейлендом, где на каждом сантиметре пространства тебе предлагают сказочные развлечения или угощения. В тирах висели огромные мягкие игрушки, по аллеям бродили ростовые куклы, со стороны «американских горок» доносились истошные крики, а в киоске-домике с розовыми ставнями продавали яблоки в карамели! Я остановилась возле домика, не в силах сдвинуться с места. Самые настоящие яблоки! На палочке! Облитые красной карамелью и посыпанные орехами!словно сошедшие с картинки английского словаря для детей. У вас был такой словарь в детстве? Если вы из поколения девяностых, то наверняка его вспомните. Малиновый такой, с Микки Маусом на обложке. Внутри были диснеевские герои в разных ситуациях, и все предметы подписаны на английском и на русском. Не знаю, учился ли кто-

нибудь по этому словарю, но все мои ровесники с восторгом разглядывали картинки часами. И на одной из страниц были эти яблоки среди других чудесных лакомств, которых мы никогда не видели.

Нет, поймите меня правильно, можно прожить счастливую жизнь и без яблок в карамели. Но с ними-то лучше! Так что Алексу пришлось купить мне яблоко «вот прямо сейчас!» Марина от лакомства отказалась, сообщив, что к сладкому равнодушна и утром плотно позавтракала.

Мы продолжили прогулку. Марина перешла к кульминационному моменту в книге, когда главный герой (которого я так и не смогла представить) бросает всё и приезжает ко второму главному герою – спасать, стрелять в бандитов и готовить хачапури. Да, это самый драматичный эпизод – приготовление хачапури в логове поверженных разбойников, в него заложен высокий символизм, который сможет понять только искушённый читатель. Очевидно, я искушённым читателем не была, потому что высокий символизм казался мне полным бредом. Но меня никто не спрашивал. Я вообще яблочко кушала.

А у яблочка были другие планы. Потому что, как выяснилось, откусить кусок круглого, гладкого, облитого уже застывшей глазурью яблока не так-то просто! Особенно если тебе уже не семь лет и зубы у тебя последние, окончательные, тебе с ними ещё долго жить. И лучше бы в любви и согласии. Нож к яблочку не прилагался. И я мучилась теми же пробле-

мами, что и лиса в бессмертной басне Ивана Андреевича.

Наконец решилась. Чёрт с ними, с зубами. Не оставаться же без яблочка. «Хруп» получился таким громким, что я невольно покосилась на спутников. Но нет, они были слишком заняты беседой. У меня ещё был шанс стереть с моськи красную карамель, пусть даже и рукавом. Однако зубы разомкнуть у меня уже не получилось. Совсем. Карамель намертво склеила челюсти. К тому же я понимала, что, даже если мне это удастся, выглядеть я буду как не очень опрятный вампир после обеда.

А разговор тем временем принимал интересный оборот. От сюжета книги Марина перешла к более насущным вопросам книгоиздания:

– В общем, я не знаю, куда её теперь отправить. Адреса редакций надо раздобыть, что ли... А где их взять? В этом твоём Интернете?

Алекс тяжело вздохнул и начал объяснять, что рукописи сейчас принимают исключительно в электронном виде, что для начала надо текст набрать, а потом через Интернет отправить по сайтам издательств.

– А если украдут рукопись? И издадут под чужим именем?

– Да никто не украдёт! – Шёл второй час увлекательной беседы, и Алекс явно терял терпение. – Кому нужно связываться? Скорее проблема обратить на себя внимание! И вообще, на эту тему тебе гораздо больше Юля расскажет. Она

у нас и писатель, и юрист, между прочим. Да, Юля?

На эту тему Юля могла бы очень много сказать. Целую лекцию прочитать часа на три. Об особенностях отечественного книгоиздания, амбициях авторов и той реальности, с которой им приходится сталкиваться. Наверное, моя вдохновлённая лекция о трёх собственных книгах и их мытарствах по издательствам разбила бы иллюзии Марины о лёгком хлебе писателя, а заодно и образ маленькой девочки с яблоком на палочке, каковой я, наверное, показалась. И всегда, чёрт возьми, кажусь рядом с Алексом. А может, Марина бы просто не восприняла меня и мои слова всерьёз. Но, увы, лекции не случилось. Потому что красная карамель была чертовски прочной.

Кобзон и выхухоли (Зимний театр)

Памяти Иосифа Давыдовича

– Да не пойду я! Отстань от меня пожалуйста! – Алекс был искренне возмущён. – Я и так выполнил экзотическую культурную программу на десять лет вперёд! Сначала музей Островского, потом концерт этих... Как их?

– «Тату», – мрачно подсказала я, рассматривая цветок магнолии, распустившийся прямо у нас за окном.

Я уже сто раз пожалела, что потащила его на тот концерт. И что сама пошла, тоже пожалела. Большой халтуры я никогда ещё не видела. Воспитанной на старой эстраде, с костюмами, бабочками и брюками-не-дай-бог-присесть-и-помять, мне было дико видеть, как девчонки в майках, будто завернули на собственный концерт в «Фестивальном» прямо с пляжа, скачут по сцене под фанеру, пиная колонки, а порой и садясь на них. И тщетно я пыталась тогда объяснить Алексу, что просто пыталась побыть как все. Вписаться в интересы своего поколения. Побыла. Не понравилось. Алекс вообще провёл половину концерта в баре, любуясь морем.

– Вот! На «Тату» я с тобой ходил! А теперь ты предлагаешь мне пойти на Кобзона?!

– Поверь, он лучше, чем «Тату». – Я задумчиво посмотрела в кружку с безнадежно остывшим чаем и вылила остатки в горшок с кактусом. – Тебе понравится!

– Мне?! Кобзон?!

– А ты его слушал? Хоть раз? И вообще, он легенда, понимаешь? Живая пока ещё легенда. И если есть возможность сходить на его концерт, его надо пользоваться. Он больше не гастролирует, вообще-то. И тот факт, что он решил отметить юбилей в Сочи, огромная удача!

Алекс смотрел на меня как на сумасшедшую. Как будто мы с ним не на сайте Лещенко познакомились...

Самое обидное, что без него мне на концерт никак не попасть. Я и десять лет спустя могу заблудиться в любимом городе, а тогда, в первое лето, путешествие из Адлера в центр Сочи казалось мне кругосветкой. И я не нашла ничего оригинальнее, чем надуться. Знаете, когда ты вроде бы делаешь вид, что всё нормально, но на самом деле нет. Ровным голосом отвечаешь на вопросы, обед готовишь, пыль вытираешь. Но всем вокруг срочно хочется найти пятый угол.

Через два дня Алекс принёс билеты. Шмякнул на стол и пробурчал:

– Ладно, хотя бы Зимний театр тебе покажу. Он сам по себе произведение искусства.

Более того, мы решили усилить культурную программу посещением Дендрария. Мол, раз уж ехать в Сочи, то гулять на весь рубль. Здесь Алекс проявил чудеса смекалки. Я-то не знала, что меня ждёт, а вот он был прекрасно осведомлён, что Дендрарий – огромный парк, обойти который пешком довольно сложно. Особенно в вечернем платье. Особенно на

каблуках. В итоге мы гуляли только по нижнему парку, лезть на гору в театральном наряде я отказалась напрочь.

Нижний парк оказался очень даже милым: пруды, розарии, вольеры с енотиками. Мы чинно прохаживались по дорожкам в ожидании, когда придёт время отправляться в театр, культурно проводили досуг, беседуя о музыкальных вкусах. А потом набрали на выхухолей. Целое семейство толстеньких и глазастеньких выхухолей деловито сновало из одного пруда в другой, изредка отвлекаясь на щёлкающих фотоаппаратами туристов. От туристов выхухоли ничего хорошего, в смысле съедобного, не ждали, они вообще оказались на редкость самодостаточными. Но всё-таки позволяли себя фотографировать, после чего возвращались к своим, выхухолиным делам. Я тоже радостно щёлкала фотоаппаратом, тратя батарейку, предназначавшуюся Кобзону, на выхухолей. Потом у меня на диске так и хранились их фотографии вперемешку: выхухоли и Кобзон. Вам вот смешно, а я до сих пор, глядя на Иосифа Давыдовича, вспоминаю этих глазастеньких, с хвостами.

Наконец мы добрались до Зимнего театра. Размах впечатлял: подсвеченные колонны, легендарная лестница, по которой каждый год карабкаются знаменитости на «Кинотавре», роскошный вид на гостиницу «Жемчужина». В двух шагах парк, ведущий к морю. От кафе доносятся сводящие с ума запахи шашлыков. Квинтэссенция Сочи, все его символы на одном пяточке Театральной площади. По крайней мере, мой

Сочи выглядит и пахнет именно так.

Но тогда я, конечно, не делала далекоидущих выводов, а просто шагала по ступенькам. Какую публику ожидать на концерте, я примерно представляла: бабушки в янтаре, с высокими причёсками и букетами из гвоздик. И запах «Красной Москвы» повсюду. Но я ошиблась. На юбилей Иосифа Давыдовича слетелись столичные знаменитости. Среди толпящихся в фойе я то и дело замечала знакомые по телевизору лица: композитор, поэт, аккомпаниатор, фотомодел, чья-нибудь жена. Бабушки в янтаре почти не попадались, публика была намного моложе юбиляра.

Мой бедный спутник затравленно озирался по сторонам, кажется, тоже испытывая когнитивный диссонанс. Но он вовремя вспомнил о своей просветительской миссии и повёл меня на прогулку по Зимнему. В буфет.

Ну, собственно, я и не ждала лекции по истории искусств в отдельно взятом курортном городе. А буфет был примечательный: шампанское, миниатюрные бутербродики со всяким, пирожные, коньячок, пользовавшийся особой популярностью. Впрочем, весь буфет пользовался популярностью, знаменитый и не очень народ с удовольствием налегал на закуски. И всё это действо происходило под звуки скрипки и фортепьяно, коими ублажали публику артисты местной филармонии. Я уже чувствовала, как расту духовно.

– Подожди, осенью начнётся театральный сезон, – рассуждал Алекс, – приедут лучшие коллективы, будем с то-

бой ходить. А летом что: «Кинотавр», оперетки всякие, ну и вот, эстрада. Раньше сюда эстрадников не пускали, между прочим. Для них «Фестивальный» есть. И Зелёный театр. И «Южное взморье».

– Ну ты не сравнивай, Кобзон всё-таки. Не «Бутырка», – заметила я.

Пару недель назад мы ещё и на «Бутырку» ходили, как раз в Зелёный театр. Говорю же, у меня не лето, а сплошной духовный рост. Особенно шикарно было, когда солист предложил всем желающим прямо посреди концерта сгонять за пивом: «А то чё как не родные?».

Алекс вынужденно согласился, что Кобзон в Зелёном театре и с пивом смотрелся бы как-то не очень.

– Только обещай мне, будет совсем нудно, уйдём в антракте, – заявил он, когда мы шли в зал.

– Ладно, – вздохнула я.

А что мне оставалось делать? Только надеяться, что Алекс не потащит меня домой до антракта. У него в этом отношении отвратительный характер – его ни в коем случае нельзя ни к чему принуждать. Он из принципа упрётся и будет отрицать очевидные достоинства фильма или концерта, на которые его затащили, книги или еды, которую ему подсунули.

Но в тот вечер открытия ждали нас обоих.

Места у нас были не слишком хорошие, и я боялась, что мы ничего не увидим и не услышим. Но после первой же песни Иосиф Давыдович пошёл по рядам. Он общался с залом,

спрашивая, какие песни хотят зрители. Давал отмашку аккомпаниатору и пел всё, что просили. Юбилейный концерт, которому полагается быть пафосным и тщательно спланированным, превратился в дружеский вечер по заявкам. И всё, разумеется, вживую.

Кобзон чередовал комсомольские песни и романсы, песни о космосе и песни о любви, исполнил даже парочку опереточных партий и песню на стихи Есенина. Я, заморожённая происходящим, забыла о своём спутнике и нашей договорённости, хлопала со всеми, подпевала комсомольские хиты. А когда внезапно объявили антракт, вдруг услышала восхищённое и вполне искренне: «Ну мужик крут!»

Я аж обернулась проверить, по-прежнему ли Алекс сидит рядом со мной. Да, это всё ещё был он. Притихший такой, кажется, даже смущённый. Хотя смутить его в принципе невозможно.

– Пошли покурим, что ли, – буркнул он.

В фойе царило необычайное оживление – все ждали торт. В начале концерта имениннику выкатили на сцену огромный трёхэтажный торт в качестве подарка. Иосиф Давыдович дежурно улыбнулся и пошутил, что торт надо разделить между зрителями. Как я подумала, пошутил тоже дежурно. Но народ решил иначе и теперь на полном серьёзе ожидал десерта.

Мы пошли на улицу. Алекс курить, я дышать.

– Знаешь, у меня было о нём совершенно другое представление, – сообщил Алекс на середине сигареты. – Мне каза-

лось, он такой пафосный. Ленин, партия, комсомол... А он работает на сто процентов.

– Угу.

Я точно знала, что лучше молчать и соглашаться. Упаси господи сейчас выдать что-то в духе: «Я же тебе говорила».

Когда мы вернулись в фойе, там раздавали торт. На одноразовых тарелочках, с одноразовыми вилочками. И наливали шампанское. Иосиф Давыдович угощал гостей, коими считал всех присутствующих.

Потом было много хороших концертов и спектаклей в «Зимнем». Он был и остаётся удивительной площадкой Сочи: роскошные интерьеры, качественный звук, вежливый персонал... и никакого пафоса. Ни капли. И когда кто-то из интересных мне артистов приезжает в «Зимний», это всегда двойное удовольствие. Но, подходя к зданию с подсвеченными колоннами, поднимаясь по большой лестнице, я всегда вспоминаю Кобзона. И выхухoley, разумеется!

Дом у цирка (улица Пушкина)

Кто же не мечтает о квартире с видом на море? Чтобы вышел на балкон, вдохнул морской воздух – и вот оно, счастье. А пейзаж какой! И пальмы под окном, огромные. На балконе можно поставить маленький столик и пару стульев, пить по утрам кофе. Или на закате читать книгу. Если у тебя квартира возле моря, ты можешь хоть каждый день ходить на пляж. Даже если работаешь. С утра, например, или вечером, ещё лучше. Потом два шага, и дома. Встал под душ, смыл с себя соль, завернулся в чистый халат и опять на балкон, кофе пить. Мечта же?

Алекс о квартире возле моря не мечтает. Он всегда хотел дом, мы построили дом. На горе в пяти километрах от моря, практически в лесу. Тоже хорошо: тишина, орланы летают, буки огромные со всех сторон. Людей можно неделями не видеть. Счастье интроверта. Но квартиру возле моря мне всё равно хочется. В одном конкретном Доме возле Цирка.

– Глупости, – ворчит Алекс. – На те деньги, что там стоит самая захудалая квартира, можно выстроить дворец. И вообще, зачем? Кто будет жить на два дома? Ездить туда-сюда через весь город? Ради чего?

У меня нет ответа на этот вопрос, потому что мечты не рациональны. А Дом у Цирка – воплощённая мечта.

– Тоже мне, элитное жильё. С одной стороны объездная

трасса, машины днём и ночью, шум, грязь. С другой стороны шикарный вид на задний двор цирка. Летом, кстати, клетки с животными на улице стоят. Пахнут просто восхитительно, как ты можешь догадаться.

Сколько уже лет я живу в Сочи? Десять? Двенадцать? У меня давно взгляд местного, равнодушно-спокойный, слегка уставший. У меня не вспыхивают глаза при виде пальмы, и даже внезапно выросший на месте свалки роскошный отель меня вряд ли удивит. Ну да, вчера ещё не было, а сегодня стоит, пять звёзд, охрана по периметру, «мазератти» на парковке. И что? Это же Сочи. Но если я проезжаю мимо Дома у Цирка, всё равно оборачиваюсь, чтобы взглянуть на его кофейный фасад. Кофе с молоком. Ему повезло с отделкой, у его соседа синие стены и жёлтые балконы. Меня бы стошнило. А этот благородных оттенков. Мраморная ограда тёмно-коричневая, отделяет придомовую территорию и её богемных владельцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.